

ВОЙНЫ XX ВЕКА И ПАМЯТЬ О НИХ

УДК 94(4)"1914/1918"

doi 10.17072/2219-3111-2018-4-31-39

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ ПАМЯТИ¹

Н. Н. Баранов

Уральский федеральный университет, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
baranov61@mail.ru

Первая мировая война – уникальное явление по масштабу влияния на исторический процесс. Кроме того, она открыла эпоху «короткого XX века», отмеченного множеством глобальных человеческих катаклизмов. Однако ее место в исторической памяти стран и народов остается неоднозначным и в значительной степени зависит от их последующего исторического опыта. Ситуация очень непростого взаимодействия академической науки, исторической политики и практик мемориализации определяет интерес исследователей к механизмам формирования, распространения и усвоения опыта войны как «места памяти» национального и наднационального масштаба. В условиях развитого информационного общества увеличилась роль популярных жанров массовой культуры в трансляции символов, образов и мифов, которые формируют структуру культурной памяти исторических событий. Отражение Первой мировой войны в популярной культуре памяти стало предметом рецензируемой коллективной монографии. Принципиальная новизна работы заключается в том, что она по постановке проблемы до сегодняшнего дня остается единственной в своем роде. Методологическая основа исследования определяется междисциплинарным подходом, позволяющим объединить усилия историков и филологов, использовать принципы культурной антропологии и интеллектуальной истории, концепции коллективной памяти. Выдвинута идея, согласно которой за минувшие 100 лет можно выделить три «волны памяти» о войне. Дана оригинальная дефиниция «популярной культуры памяти», которая не тождественна понятию массовой культуры. Особое внимание уделено проблеме маргинализации Первой мировой войны в коллективной памяти народов Центральной и Восточной Европы. Книга состоит из трех крупных разделов – «Музеи, выставки, памятники», «Литература и комиксы», «История в движении: фильмы, телевидение, исторический театр, путешествия». Среди наиболее значимых выводов рецензируемой работы выделяются следующие: в официальной политической культуре и коллективной памяти событийная история Первой мировой войны, где центральное место отводилось государственным деятелям и полководцам, уступает место истории простых людей с их травматическим опытом и переживаниями; эта война может стать символическим общеевропейским «местом памяти» и способствовать укреплению европейской идентичности на основе общей скорби при условии преодоления противоречивых различий в национальных версиях исторической памяти.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великобритания, Германия, Франция, популярная культура, историческая память.

В последние годы память о Первой мировой войне переживает настоящий бум. Сетевая международная энциклопедия «1914–1918 Online», созданная Немецким исследовательским обществом, Баварской государственной библиотекой и Свободным университетом Берлина при участии историков из 50 стран, признанная Американской библиотечной ассоциацией одной из лучших в мире, содержит постоянно пополняемый библиографический список, который сейчас насчитывает более 9 тыс. [1914–1918-Online]. Количество печатной и электронной научно-популярной продукции не поддается учету. Уже в 2004 г., в 90-ю годовщину начала войны, известный историк А. Райман охарактеризовал это явление как «крупное публицистическое наступление», которое не прекращается до сих пор [Reimann, 2004, S. 30]. Сегодня активно обсуждается не только само историческое событие, но и история его мемориализации. В современной отечественной историографии прослеживаются две тенденции. Одни авторы тяготеют

к созданию национально-государственных нарративов с акцентом на память о героизме солдат-патриотов, что вполне соответствует официальной установке политики памяти [Первая мировая..., 2014]. Другие отдают должное междисциплинарным методам и особое внимание уделяют культурно-историческим дискурсивным практикам властных и общественных групп [Колоницкий, 2014; Пахалюк, 2017; Сенявская, 2009]. В данной статье основное внимание уделяется зарубежному опыту формирования и трансляции культурной памяти.

В сознании нескольких поколений людей память о войне 1914–1918 гг. сохраняется, воспроизводится и транслируется крайне неоднозначно. Для победителей она Великая война. Для тех, кто пережил поражение и в чьем сознании оно связано с дальнейшими катастрофическими событиями XX в. это Первая мировая война. В странах Центральной и Восточной Европы она оказалась вытеснена на периферию национальной культурной памяти и до недавнего времени отсутствовала в официальных мемориальных практиках.

Во Франции и Великобритании Первая мировая война по сей день постоянно присутствует в культуре памяти и несет гораздо более выраженный консолидирующий национально-политический заряд. 11 ноября – день подписания первого Компьенского перемирия – ежегодно широко празднуется там как День памяти павших. В главной церемонии на площади Триумфальной арки в Париже, посвященной 88-й годовщине этого события, приняли участие президент Ж. Ширак и 107-летний Р. Рифо, один из последних четырех оставшихся в живых к тому времени французских ветеранов. На следующий день в Лондоне тысячи людей вместе с королевой Елизаветой II увековечили память жертв Первой мировой войны и всех других войн. В Великобритании и странах Содружества этот день впервые начал отмечаться в 1919 г. по распоряжению короля Георга V, и с тех пор церемония проводится ежегодно. Для британцев это также «день маков». Цветы алого мака прикрепляют к одежде люди всех слоев и возрастов. Образ маков на полях сражений Фландрии впервые использовал в 1915 г. канадский военный врач и поэт Дж. Маккрей. Его знаменитое стихотворение известно молодым британцам, а красный мак стал культурным символом Первой мировой войны.

В Германии же многие стихи, написанные в годы Первой мировой войны, забыты всеми, кроме литературоведов, а с 11 ноября начинаются пред рождественские ярмарки. Одним из немногих материальных символов пропаганды мировой войны, который может сохраниться в немецкой культурно-исторической памяти, является истребитель Фоккер-триплан «красного барона» М. фон Рихтгофена – лучшего аса, на счету которого 80 побед. Однако он лучше известен в Великобритании и США, чем в Германии.

Эти факты показывают, насколько разное место сегодня занимает Первая мировая война в коллективной памяти народов, которые ее пережили. Например, эта война имела большое значение для формирования национальной идентичности в Австралии и Канаде и потому имеет важный статус в национальной памяти. А в Центральной и Восточной Европе не была обеспечена преемственность памяти о Первой мировой войне, поэтому в настоящее время она не занимает заметного места в национальных культурах памяти.

В Веймарской Германии ни одной из активно действовавших групп интересов не удалось придать своей версии памяти широкий объединяющий смысл и найти общенациональное место памяти этой войны. Люди в основном оставались наедине со своим горем и не могли преодолеть травматический эффект войны [Hochbruck, 2011, S. 25]. Дело осложнялось еще тем, что память о Первой мировой войне – вопрос об ответственности за развязывание войны, идеализация фронтовиков или возведение имперского мемориала чести в Танненберге – использовалась национал-социалистами для легитимации и консолидации их режима. После 1945 г. в ФРГ Первая мировая война была оттеснена травматическими воспоминаниями о Второй мировой войне, а затем – памятью о жертвах холокоста. Только с приходом к власти на гребне неконсервативной волны Г. Коля и с подачи его политического советника профессионального историка М. Штюрмера власти Боннской республики начали использовать сюжеты Первой мировой войны в рамках своей исторической политики, нацеленной на преодоление прошлого и утверждение Германии в европейском сообществе как великой державы. В 1984 г. стала широко известна фотография, на которой, взявшись за руки, Ф. Миттеран и Г. Коль на мемориальном военном кладбище под Верденом поминают всех погибших в обеих мировых войн. Это событие явилось символом трансформации официальных версий исторической памяти: от национально-патриотической

скорби к примирению, объединению и воспитанию чувства общности. Практику проведения совместных мемориальных мероприятий продолжили Ф. Олланд, А. Меркель, Й. Гаук. Президенты Э. Макрон и Ф.-В. Штайнмайер 10 ноября 2017 г. открыли музей на месте боев в Эльзасе. Именно организованные государственной властью ритуалы в соответствующие даты показывают, что местам памяти можно придать практически любое значение, если этого требует актуальная политика.

В этой связи интерес представляет обращение к практикам формирования, воспроизводства и распространения тех версий исторической памяти, которые напрямую не связаны с официальной политикой памяти. Инициатива создания единственного в своем роде коллективного труда исходила от трех профессоров Фрайбургского университета. Двое из них – Б. Корте и В. Хохбрук – филологи, преподаватели английского языка и одна – С. Палечек – историк. Таким образом, в основу замысла был положен междисциплинарный принцип. В подготовке монографии участвовал сравнительно небольшой коллектив – 14 человек. Подавляющее большинство – представители немецкого академического сообщества, двое – англосаксы из Лондона (Имперский военный музей) и Канберры (Австралийский национальный университет). Книга под названием «Первая мировая война в популярной культуре памяти» увидела свет в 2008 г., оценена по достоинству специалистами во многих странах, но остается практически неизвестной в России.

Монография состоит из введения и трех крупных разделов: «Музеи, выставки, памятники», «Литература и комиксы», «История в движении: фильмы, телевидение, исторический театр, путешествия».

Во введении, написанном инициаторами и руководителями проекта, предлагается концепция так называемых «волн памяти» о Первой мировой войне. В течение XX столетия национальные версии воспоминаний о Первой мировой войне прошли несколько этапов эволюции, которые имели черты как сходства, так и различия. Первое кодирование памяти о военных событиях в большинстве случаев произошло уже во время войны. Были запланированы памятники павшим воинам, проведены специальные исследования и изданы солдатские письма и художественные произведения о войне. Литература и фильмы были поставлены на службу пропаганде, для этой цели использовались популярные жанры. Собирались артефакты, трофеи, письма и фотографии, чтобы представить необходимый материал в музейном пространстве.

После некоторого спада в мемориализации в первые послевоенные годы в странах Западной Европы началось освоение опыта мировой войны в исторической, биографической и художественной литературе, которая часто носила апологетический характер. Приближение десятой годовщины окончания войны было отмечено пиком первой волны памяти, которая продолжалась примерно до середины 1930-х гг. Были возведены многочисленные памятники, получили распространение различные публикации и фильмы как антивоенного, пацифистского так и реваншистско-милитаристского характера.

Вторая, значительная, волна памяти возникла в 1960-х гг., чему способствовала пятидесятая годовщина войны, отмеченная национальными различиями и внутринациональным напряжением, проявившимся сильнее, чем в 20–30-е гг. В Великобритании обращались к проблематике Первой мировой войны и традиционалисты, и критики войны, и историографы, и создатели популярных жанров (мюзикл «О, что за чудесная война» 1963 г. и одноименный фильм Р. Аттенборо 1969 г.).

В Германии в период между 1961 и 1964 гг. интерес широкой общественности к Первой мировой войне возник под влиянием первого в масштабах ФРГ спора историков по поводу книги Ф. Фишера «Рывок к мировому господству». Однако в центре этой дискуссии оказалась не Первая мировая война, а проблема преемственности и оценки места Третьего рейха в немецкой национальной истории [Rüdiger, 2007].

В 70-е и 80-е гг. было отмечено ослабление интереса к Первой мировой войне по крайней мере в публичном пространстве. Только с 1990-х гг., практически в то время, когда ушли из жизни последние представители поколения ветеранов, академический и общественный интерес к Первой мировой войне снова возродился. В Германии 80- и 90-летие начала и окончания войны сопровождалось торжественными мероприятиями и крупными выставками. Книги и журналы, радио и телевидение активно обсуждали эту тему. В Великобритании конъюнктура была еще более выраженной, так как здесь война уже достигла статуса исторического мифа. Подобной была

ситуация во Франции и Бельгии. Значимым событием стало создание Музея истории Великой войны в городе Перонне (1992 г.) и музея «В полях Фландрии» в Ипре (1998 г.).

Таким образом, с 90-х гг. началось наиболее активное освоение темы Первой мировой войны. Причины этого могут быть связаны с юбилейными датами и уходом поколения современников войны. «Одержимость историей» можно понять как ответ на быстро меняющееся общество и состояние кризиса, при котором обращение к истории служит сохранению преемственности поколений и осознанию собственной идентичности. В настоящее время проявляется тенденция памяти о Первой мировой войне, которая начала прослеживаться и в 1920–1930-е гг.: осознать эту войну за рамками конкретно-исторического события, превратить ее в общее место памяти единой Европы. Вместе с тем в центре внимания все чаще оказываются военный опыт мужчин и женщин на фронте и в тылу, перенесенные людьми страдания, а также критика войны, пацифизм и сопереживание рядовым солдатам. Первая мировая война приобрела качество общеевропейского места памяти, которое теперь объединяет народы в общем горе и трауре, не задаваясь вопросом о чьей-либо вине.

Особое внимание уделяется понятию «популярная культура памяти», исходя из предположения, что нынешнее возрождение интереса к Первой мировой войне связано с активностью медийного пространства. Обращаясь к классическим концепциям М. Хальбвакса, Я. и А. Ассманов, Й. Рюзена, авторы монографии ссылаются и на труды американского историка Дж. М. Винтера. В них подчеркивается главное значение памяти о войне для национальной культуры памяти, а также для коллективной и индивидуальной переработки опыта горя и потерь. Историческая память о войне сочетает в себе память об истории семьи и мира. По этой причине военные воспоминания в XX в. занимают центральное место в культуре памяти. Винтер отмечает фундаментальное значение Первой мировой войны для создания форм, символов и ритуалов памяти в XX в.: «Образы, языки и практики, которые появились во время и после Великой войны, сформировали способы, которыми представлялись и запоминались будущие конфликты» [Winter, 2006, P. 1].

Концепция исторической культуры также охватывает организацию и социальную значимость исторической памяти. История культуры – это история различных институций: университетов, школ, музеев, административных органов, средств массовой информации, которые становятся «ансамблем коллективных воспоминаний» и «функциями обучения, развлечения, легитимации, критики, отвлечения внимания, просвещения и других способов запоминания во всеобъемлющем единстве исторической памяти» [Rüsen, 1994, S. 4].

Изложенные подходы позволяют подчеркнуть важную роль средств массовой информации не только в распространении, но и в создании коллективных воспоминаний. Однако большинство академических исследователей культурной памяти и исторической культуры пренебрегают так называемыми популярными жанрами и сосредотачиваются на анализе высокой литературы или исторической политики, проводимой элитами и государством.

Авторы монографии понимают под популярной культурой памяти ту, что адресована широкой публике, передается средствами массовой информации и используется в жанрах популярной культуры. Создание популярной культуры памяти не означает, что она должна всегда достигать широких масс, при определенных обстоятельствах она может быть нацелена только на часть публики. Последнее важно, потому что популярная культура не обязательно идентична массовой культуре. В любом случае она предлагает потребителям доступные, яркие и развлекательные презентации, что не исключает дидактических намерений или образовательных целей. Однако популярная культура ориентирована на потребности культурного рынка, будь он организован государством, местными властями или бизнесом. Термин «популярная культура памяти» следует воспринимать насколько возможно спокойно и ни в коем случае не вкладывать в него уничижительный смысл.

Говоря о результатах исследования Первой мировой войны в культуре памяти, авторы указывают, что первые такие работы литературоведческого характера появились в конце 1970-х гг. Не потерявшим значения по сей день остается исследование П. Фасселла «Великая война и современная память» [Fussell, 1975]. Возросший интерес к Первой мировой войне в это время можно также интерпретировать как реакцию на войну во Вьетнаме и зарождающееся движение за мир.

Историки обратились к культуре памяти о Первой мировой войне только с конца 1980-х гг., сначала в Британии и США, затем во Франции и Германии. Рассмотрение Первой мировой войны в культуре памяти начиная с 80-х гг. связано с обращением к культурной, повседневной и ментальной истории. В Германии этот интерес воплотился не только в диссертационных исследованиях и коллективных монографиях, например, о политической функции памяти о Первой мировой войне в Веймарской республике [Der verlorene Frieden, 2002], но и в организации по случаю юбилеев крупных выставок в Немецком историческом музее в Берлине. Выставка 2004 г. даже проходила под девизом «Мировая война 1914–1918 гг. Событие и память».

Как уже отмечалось, существует дефицит исследований, ориентированных на популярные культурные представления памяти о Первой мировой войне. Известно только несколько исследований подобного рода, хотя беллетристика, кинематограф, телевидение давно сконструировали многие сюжеты исторической памяти. Роман Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен» и его экранизация 1930 г. (США, режиссер Л. Милстоун) создали образ западного фронта для многих поколений. То, что Первая мировая война охватила и Восточную Африку, некоторые, вероятно, знают только благодаря художественному фильму «Африканская королева» (США, Великобритания, 1951 г., режиссер Дж. Хьюстон). В 1970-х гг. появились комиксы Ч. М. Шульца о собачке Снупи в летном шлеме с очками и шарфе, которая, сидя на своей конуре, вступает в воздушный бой с Рихтгоффеном под девизом «Curse you Red Baron». Снупи как продукт культурной памяти нашел место в Национальном музее воздухоплавания и астронавтики в Вашингтоне, в разделе о Первой мировой войне.

В настоящее время проводится много национальных и международных исследований по отдельным аспектам культуры памяти о Первой мировой войне, но до сих пор нет их систематизированного обобщающего обзора [Arand, 2000, S. 3]. Рецензируемое издание также не претендует на обобщающий характер. В нем в междисциплинарной, культурной, литературной и исторической перспективе освещаются различные аспекты популярной культуры памяти о Первой мировой войне, причем особая внимание уделяется Западной Европе, США и Австралии как части британского Содружества.

В первой части монографии память о Первой мировой войне рассматривается в контексте материалов музеев и мемориалов. Показательно, что памятники Первой мировой войны сегодня не играют былой роли в популярной культуре памяти в отличие от 20-х и 30-х гг. Напротив, музеи, хотя и являются зачастую агентами официальной исторической культуры, имеют множество возможностей для трансляции популярных форм культуры памяти.

Статья П. Лонди и Н. Стила проливает свет на историю двух известных музеев, основанных во время Первой мировой войны с целью сохранить память о ней: Имперского военного музея в Лондоне и австралийского военного мемориала в Канберре. Авторы подчеркивают национальные черты сходства и различия в концепциях музеев. Общими для них являются память и скорбь, так в основе концепции лежит связанная с огромными потерями битва на Сомме в 1916 г. Для австралийцев Первая мировая война стала решающим моментом в процессе национального строительства, что также символически отображено в музейном комплексе. Музеи можно рассматривать как регистрирующие и поддерживающие воспоминания о Первой мировой войне. С конца XX в. оба музея стремятся поставить в центр внимания индивидуальное измерение истории страдания и переживания.

Г. Хиршфельд изучал историю Штутгартской «библиотеки мировой войны» (1915–1944), начало которой в 1915 г. положило частное собрание швабского предпринимателя Р. Франка. Вскоре она превратилась в уникальную коллекцию военной литературы, журналов, плакатов, фотографий, солдатских поделок и фронтовых сувениров. В 20-х гг. библиотека использовалась для опровержения вины Германии в развязывании войны. В период власти национал-социалистов к библиотеке был присоединен научно-исследовательский институт и создан военный музей, которые должны были документировать прошедшую, а также легитимировать грядущую войну. В результате бомбардировки союзной авиацией в 1944 г. библиотека была почти полностью уничтожена. В 1948 г. на основе ее немногих сохранившихся фондов возникла библиотека современной истории, сегодня одна из крупнейших специализированных библиотек в Европе.

Г. Крумайх обратился к новому опыту музейных презентаций Первой мировой войны во Франции и Бельгии. В центре его внимания Музей Великой войны в Перонне и музей «На полях

Фландрии» в Ипре, а также два традиционных французских военных музея, экспозиции которых были обновлены в последние годы. Он утверждает, что до 1990-х гг. не было известно никаких выставочных форм, которые отвечали бы стремлению извлекать из военной истории напоминание о демократии и мире. Но и при использовании новых музейных технологий следует избегать националистической узости и чрезмерной воинственности, характерных для музея в Перонне, и обращать взгляд на военные страдания и амбивалентность «культур войны», менталитетов и практик, которые вынуждали народы терпеть эту войну так долго. В статье критически анализируется популярный в последние годы «метод впечатления», который якобы делает возможным через акустические, визуальные и прочие эффекты приблизить посетителей к переживанию военного опыта. Вместо этого Крумайх предполагает за дифференцированный, основанный на источниках историчный подход к Первой мировой войне в последовательной сравнительной перспективе, чтобы случайно не впасть в апологетику войны и не ограничиваться ее политико-педагогической критикой.

Х. Серендт рассмотрел в своей статье политические дебаты вокруг памятников Первой мировой войны в Берлине 1920-х гг. Он проследил их историю в контексте всех возведенных в Берлине военных мемориалов. Столкновение версий памяти о Первой мировой войне различных политических групп было настолько ожесточенным, что даже потерпела крах идея первого национального монумента, и вместо него появилось несколько разнородных по смыслу и исполнению памятников. Долгий спор по поводу имперского памятника (кенотафа) в Берлине привел, наконец, к созданию скромного мемориала в помещении Нойе Вахе. Он был восстановлен в ГДР как мемориал жертвам империалистической войны. После 1989 г. идея была снова переработана, и теперь это коллективный памятник «жертвам войны и тирании». Место культа мертвых героев занял культ, который, с точки зрения автора, не делает различия между преступниками и жертвами. Пример Нойе Вахе показывает, как память о Первой мировой войне была размыта и соединена с фрагментами воспоминаний о Второй мировой войне и холокосте.

Вторая часть монографии посвящена популяризации Первой мировой войны в художественной литературе и комиксах. Т. Шнайдер анализирует значение переведенного на 54 языка романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и называет его виртуальным памятником неизвестному солдату. Провозглашаемая Ремарком универсальность военного опыта способствовала тому, что образ главного героя романа – Боймера, которого часто отождествляют с автором, – в глазах многих читателей стал воплощением солдата мировой войны вообще. Автор прослеживает историю закрепления этого текста в культурной памяти, а также критически высказывается по поводу произвольного использования мотивов романа в памятные дни и в политических дискуссиях, таких как участие бундесвера в операциях НАТО в Косово.

Полной противоположностью героям Ремарка, простым солдатам Боймеру, Тьядену и Катчинскому, предстает аристократ барон М. фон Рихтгофен, самый известный летчик-истребитель Первой мировой войны. Миф о Рихтгофене в исторических комиксах исследует Г. Грот. Основное внимание он уделяет американским и французским рассказам в картинках и графическим романам, которые в равной степени воспроизводят и деконструируют миф.

Б. Корте рассматривает британские криминальные романы начала XXI в., которые сюжетно связаны с Первой мировой войной. Несмотря на то что подобная литература сильно зависима от жанровых условностей, ее авторы Ж. Уинспир, Э. Перри и Б. Элтон в описании войны расставляют по-разному акценты. Отчасти они используют преобладающий в британской культуре памяти нарратив о жестокой, бесполезной войне. Из указанных текстов видно, как на материале той войны читателям предлагают задаться вопросом о смысле и морали любой войны на фоне текущих военных конфликтов.

Великобритания и Австралия принадлежат к тем, кто все еще сознательно поддерживают культуру памяти о Первой мировой войне. Как отмечает в статье «Он отдал свою жизнь, чтобы другие могли жить. Человек, осел и Первая мировая война в современной австралийской книге для детей и юношества» К. Шпиттель, литература для молодых читателей также вносит значительный вклад в работу по сохранению и передаче национальной культуры памяти. Главные герои книги – санитар Дж. Симпсон и его осел Мерфи, которые в ходе дарданелльской операции за 24 дня вывезли с поля боя более 300 раненых солдат австралийского и новозеландского армейского

корпуса. Отсюда становится понятно, что каждый год привлекает молодых австралийцев в качестве туристов на места той войны, особенно в Галлиполи на турецком побережье Средиземного моря.

Третья часть монографии озаглавлена «Подвижная история», поскольку в ней собраны материалы, которые касаются представления Первой мировой войны в кино, на телевидении и приближения к войне посредством посещения полей сражений. Статья В. Хохбрука посвящена распространению исторических презентаций в форме, на которую едва ли обращает внимание наука. Речь идет о так называемом историческом театре. Его популярность в музейных образовательных программах, где используются реконструкции исторических сражений, а в последнее время все чаще в исторических документальных программах телевидения неуклонно растет. В контексте исторической памяти они колеблются между крайностями опосредованной рефлексии, с одной стороны, и захватывающими живыми ролевыми играми – с другой.

Х. Тонн рассматривает американские художественные фильмы о Первой мировой войне со времен немого кино. По сравнению с числом фильмов, которые Голливуд создал о более поздних войнах, особенно о Второй мировой и войне во Вьетнаме, число фильмов о Первой мировой войне кажется вполне обозримым. Это отражает сравнительно незначительный статус той войны в культурной памяти, так как США вступили в нее поздно и активно действовали лишь на ограниченном пространстве. Тонн утверждает, что деление военных фильмов на пацифистские и милитаристские невозможно, в конце концов, «восприятие отдельного зрителя» остается решающим [Der erste Weltkrieg, 2008, S. 180]. В целом кинопродукция демонстрирует экранный образ той войны согласно с литературной традиции, в которой Первая мировая война предстает как опыт потерянного поколения.

М. Штайнле обращается к документальному телефильму совместного производства «La Grande Guerre / 1914–18 / Der Erste Weltkrieg», который одновременно транслировался по телевидению Франции и ФРГ в 1964 г. Для обеих стран это было первое серьезное обращение к теме Первой мировой войны, новой тогда у электронных масс-медиа. Тот факт, что это знаковое бинациональное телевизионное событие позднее было забыто, вероятно, был связан с еще незначительной тогда телевизионной аудиторией и компиляционным характером фильма. Однако он приобрел определенное культурно-историческое значение, став образцовым опытом для сотрудничающих с телевидением историков, особенно М. Ферро, поскольку при создании фильма они впервые систематически использовали в качестве источников архивные кино- и фотодокументы. Представленный материал важен для понимания взаимодействия «популярных» форм подачи истории и академической науки. Он также показывает, что продукт, который был популярен в свое время, не обязательно входит в культурную память, и медийные аспекты могут быть в данном случае решающими.

С. Брандт изучала поездки на поля сражений Первой мировой войны. С середины 1920-х гг. начался бум путешествий на линию бывшего Западного фронта. Люди ехали туда не только из Франции, Бельгии, Великобритании и Германии, но и из Австралии и Канады. Автор ставит вопросы о мотивах путешественников и о функциональных возможностях поездок на поля боев, которые могли служить целям политической агитации, помочь понять значение войны или справиться с травмой и горем. Поездки можно рассматривать как популярную форму «памяти изнутри в пространстве напряженности между общественной памятью и индивидуальным воспоминанием». После 1945 г. функции бывших полей сражений в национальной культуре памяти изменились, порой радикально. Так, Верден в 80-е гг. стал фоном для обретения франко-германского взаимопонимания. С 90-х гг. экскурсии по местам боев оказываются частью рынка туристических услуг, а также свидетельствуют о растущем интересе к полевой археологии. По словам Брандта, Первая мировая война постепенно выходит из тени Второй мировой войны и в целом иллюстрирует ужасы и страдания, в то время как при посещении места высадки союзников в Нормандии обращается внимание в первую очередь на героизм солдат и войну, «полную смысла».

Завершает книгу небольшая статья С. Палечек «Рождественское перемирие 1914 г. и Первая мировая война как новое (западно)-европейское место памяти» об открытии заново на рубеже веков братания немецких, британских и французских солдат. Это событие, которое особенно подходит для драматической, персонифицированной и эмоциональной обработки, присутствует в художественной литературе, кино и новых музейных представлениях, в то время как профессиональные историки до сих пор уделяют ему мало внимания. Спонтанное братание

простых солдат на фронте представляется автору новым «европейским местом памяти» [Der erste Weltkrieg, 2008, S. 216].

Таким образом, одной из генеральных линий монографии является понимание того, что если вначале Первая мировая война воспринималась как «национальное место памяти» [Der erste Weltkrieg, 2008, S. 27], то сейчас – как фактор формирования европейской идентичности. Тем не менее не может быть и речи об однолинейном развитии популярной культуры памяти, пока все еще сохраняются различные национальные мемориальные традиции.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Библиографический список

- Колоницкий Б. И.* Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. С. 199–216.
- Пахалюк К. А.* Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 1. С. 106–128.
- Первая мировая война: историографические мифы и историческая память: в 3 кн. / под ред. О.В. Петровской. М.: Б.и., 2014.
- Сенявская Е. С.* Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 31–37.
- Arand T.* Geschichtskultur des Ersten Weltkriegs. Prolegomena zu einer Systematik // Die Urkatastrophe als Erinnerung. Geschichtskultur des Ersten Weltkriegs / Hrsg. von T. Arand. Münster: ZfL-Verlag, 2006. 226 S.
- Der erste Weltkrieg in der populären Erinnerungskultur / Hrsg. von B. Kor-te, S. Paletschek, W. Hochbruck. Essen: Klartext, 2008. 222 S.
- Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918 / Hrsg. von J. Dülffer, G. Krumeich. Essen: Klartext, 2002. 300 S.
- Fussell P.* The Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford University Press, 1975. 363 p.
- Hochbruck W.* Die Geschöpfe des Epimetheus. Veteranen, Erinnerung und die Reproduktion des amerikanischen Bürgerkriegs. Trier: WVT, 2011. 560 S.
- The Penguin Book of First World War Poetry / Ed. by G. Walter. Harmondsworth: Penguin, 2006. 448 p.
- Reimann A.* Der Erste Weltkrieg – Urkatastrophe oder Katalysator? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2004. № 54. H. 29–30. S. 30–38.
- Rüdiger M.* Kontinuitätsthese und Kriegsschulddebatte. Die Fischer-Kontroverse in den Massenmedien 1961–1964/65. Freiburg, 2007. 121 S.
- Rüsen J.* Historische Orientierung: Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1994. 264 S.
- Winter J. M.* Remembering War: The Great War between History and Memory in the 20th Century. Yale: Yale University Press, 2006. 352 p.
- 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War [In-ternet-portal]. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/bibliography/> (дата обращения: 23.06.2018).

Дата поступления рукописи в редакцию 24.10.2018

WORLD WAR I IN POPULAR CULTURE OF MEMORY

N. N. Baranov

Ural Federal University, Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russia
Institute for History and Archeology, Ural Branch of RAS, Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
baranov61@mail.ru

World War I is a unique phenomenon due to its large-scale influence on the historical process. Besides that, it started the so-called “short twentieth century”, which is characterized by a multiplicity of global human cataclysms. However, its place in historical memory of countries and peoples remains ambiguous and largely depends on their

subsequent historical experience. The highly complex interrelation between academic science, historical politics and memorialization practices specifies the research interest in the mechanisms of development, dissemination and assimilation of the war experience as national and supranational memory sites. Within the modern developed information society, popular genres of mass culture are increasingly translating symbols, images and myths, which shape the structure of cultural memory of historical events. The reflection of World War I in the popular memory culture is the subject of a collective monograph under review in the article. The principal novelty of the monograph is its uniqueness in relation to the problem statement. Its methodology is based on the multidisciplinary approach, which, first of all, synthesizes history and philology, and includes the principles of cultural anthropology and intellectual history, as well as the concepts of collective memory. The authors propose the idea that over the last hundred years, three “memory waves” on the war can be identified. They give an original definition of the “popular memory culture”, which should not be confused with the concept of mass culture. Attention is paid to the problem of the marginalization of World War I in the collective memories of the Central and East European peoples. The book is divided into three large sections: (1) museums, exhibitions, and monuments, (2) literature and comic books, and (3) history on the move: films, television, historical theatre, and travelling. The most important conclusions include the following: (1) in the official political culture and collective memory, the history of the World War I events with statesmen and commanders in the central place is giving a way to the history of ordinary people with their traumatic experience and distress; and (2) with overcoming controversies in national versions of historical memories, this war can become a symbolic all-European memory site and can strengthen European identity based on collective grief.

Key words: World War I, Great Britain, Germany, France, popular culture, historical memory.

References

- 1914–1918-online. *International Encyclopedia of the First World War*, available at: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/bibliography/> (accessed 22.10.2018).
- Arand, T. (2006), *Geschichtskultur des Ersten Weltkriegs. Prolegomena zu einer Systematik // Die Urkatastrophe als Erinnerung*. Geschichtskultur des Ersten Weltkriegs. Hrsg. von T. Arand, ZfL-Verlag, Münster, Deutschland, 226 s.
- Dülffer, J. & G. Krumeich (ed.) (2002), *Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918*, Klartext, Essen, Deutschland, 300 s.
- Fussell, P. (1975), *The Great War and Modern Memory*, Oxford University Press, Oxford, UK, 363 p.
- Hochbruck, W. (2011), *Die Geschöpfe des Epimetheus. Veteranen, Erinnerung und die Reproduktion des amerikanischen Bürgerkriegs*, WVT, Trier, Deutschland, 560 s.
- Kolonitskiy, B.I. (2014), „The First World War: the culture of the era and social memory“, *Zvezda*, № 11, pp. 199–216.
- Korte B., Paletschek S. & W. Hochbruck (ed.) (2008), *Der erste Weltkrieg in der populären Erinnerungskultur*. Klartext, Essen, Deutschland, 222 s.
- Pahalyuk, K.A. (2017), „World War I and its memory in modern Russia“, *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kulture*, № 1, pp. 106–128.
- Petrovskaya, O.V. (ed.) (2014), *Pervaya mirovaya voina: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat* [World War I: Historiographical Myths and Historical Memory], vol. 3, RISI, Moscow, Russia, 872 p.
- Reimann, A. (2004), „Der Erste Weltkrieg – Urkatastrophe oder Katalysator?“, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, № 54, Heft 29–30, s. 30–38.
- Rüdiger, M. (2007), *Kontinuitätsthese und Kriegsschulddebatte. Die Fischer-Kontroverse in den Massenmedien 1961–1964/65*, Freiburg, Deutschland, 121 s.
- Rüsen, J. (1994), *Historische Orientierung: Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden*, Böhlau, Köln/Weimar/Wien, Deutschland-Österreich, 264 s.
- Senyavskaya, E.S. (2009), „Historical memory of the First World War: features of formation in Russia and in the West“, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, № 2, pp. 31–37.
- Walter, G. (ed.) (2006), *The Penguin Book of First World War Poetry*, Penguin Books, Harmondsworth, UK, 448 p.
- Winter, J.M. (2006), *Remembering War: The Great War between History and Memory in the 20th Century*, Yale University Press, Yale, USA, 352 p.